

Уровень благосклонности императора: -20!

Нин Цзиньянь, погруженная в сон, даже не подозревала, что её рейтинг упал. Она спала очень крепко.

Шихуан Чжэн, широко открыв глаза, впился взглядом в безмятежное, спокойное лицо Нин Цзиньянь. Казалось, из его глаз вот-вот брызнет пламя. Как она могла уснуть в такой момент?!

Его переполняли обида и гнев, словно бушующий прилив, которому некуда было выплеснуться, а она, не предупредив, провалилась в сон, оставив его здесь в полном одиночестве. Что это вообще такое?! Сейчас Шихуан Чжэн походил на безмолвно разъяренного льва, чье сердце разрывалось от бессилия. Эта женщина просто невыносима!

Он был в ярости, а она умудрилась безмятежно уснуть, причем так крепко, будто ей было совершенно наплевать на его чувства. Шихуан Чжэн с ужасом осознал, что степень его терпимости к этой женщине стала совершенно иной, нежели ко всем остальным.

Его снедало чувство досады. Он сжал зубы, размышляя про себя: разве не она клялась, что любит его больше жизни? Почему же тогда она оказалась такой добродетельной и решила подтолкнуть его к другой женщине? Неужели её чувства к нему не так глубоки? Неужели она могла так спокойно уснуть, даже когда он еще не остыл и ждал от неё утешения?

Думая об этом, Шихуан Чжэн резко притянул Нин Цзиньянь к себе, крепко обняв за талию. Его грудь тяжело вздымалась, а гнетущее чувство в душе не рассеивалось, словно густой туман. Это ощущение было одновременно чуждым и странным. Впервые за долгие годы Шихуан Чжэн почувствовал себя таким потерянным и одиноким — в последний раз подобное было лишь тогда, когда он вместе с матерью, Чжао Цзи, жил в заложниках в царстве Чжао.

А Нин Цзиньянь во сне словно попала в жуткий кошмар. Ей привиделся объятый пламенем лев, который с грозным видом приближался к ней, держась на опасном расстоянии. Его горящие, как факелы, глаза были прикованы к ней, готовые в любой момент броситься и разорвать на части. Страх сковал её сердце. Во сне она отчаянно пыталась убежать, но никак не могла избавиться от преследования, из-за чего спала крайне беспокойно.

Стоило Шихуан Чжэну подумать, что Нин Цзиньянь, возможно, не так уж сильно его любит, как в душе поселились необъяснимая печаль и гнев. Это было недостойное зрелище для зрелого правителя. Он разжал объятия и, не желая сдаваться, ткнул её в щеку — мягкая и упругая, но она по-прежнему спала без задних ног, лишь нахмутив брови, будто от досады.

Шихуан Чжэн невольно усмехнулся над собой: он и не думал, что может вести себя настолько по-детски. К счастью, госпожа Цзинь никогда не любила, чтобы при ней постоянно находились слуги, поэтому его минутная слабость осталась незамеченной.

Его отношение к этой женщине стало опасным!

Шихуан Чжэн ворочался на кровати, долго пытаюсь успокоить самого себя, но гнетущее чувство так и не уходило. Он повернул голову к спящей рядом женщине и увидел, что она по-прежнему безмятежно спит. От того, что он так сильно её сжал, повязка на её спине, казалось, слегка окрасилась кровью. Сердце императора сжалось, но тут же гнев вновь взял верх. Скрипнув зубами, он в порыве досады резко сел.

Всё же он не решился её будить, лишь грубо накинул халат, обулся в деревянные сандалии и вышел наружу. Дежуривший снаружи евнух Ли поспешил помочь государю привести одежду в порядок. Шихуан Чжэн взглянул на небо — был всего лишь час свиньи — и зашагал прочь из дворца.

Евнух Ли трусил следом, тихо спрашивая:

— Великий царь, прикажете подать паланкин? Куда вы направляетесь?

Шихуан Чжэн на мгновение остановился, подумал и холодно бросил:

— К наложнице Чжэн. Паланкин не нужен, я пройду пешком.

Сказав это, он заложил руки за спину и двинулся вглубь дворцовых покоев.

Тем временем Люэр, получив известие от евнуха Ли, принялась проворно помогать наложнице Чжэн умываться, попутно приказывая маленькой служанке достать цинь и протереть его. Она без умолку твердила:

— Госпожа, скоро придет великий царь, чтобы послушать, как вы поете. Вам нужно скорее привести себя в порядок и как следует подготовиться.

Услышав это, наложница Чжэн просияла. Да что там говорить, какая девушка в этом дворце, да и во всей Поднебесной, не мечтала бы о таком могучем мужчине, как великий царь? Она поспешно села перед зеркалом, позволяя Люэр и другой служанке причесывать себя. Как бы она ни была равнодушна к славе и богатству, она всё же была женщиной царя. После того как госпожа Цзинь излечила его от женоненавистничества, наконец настал и её черед разделить с ним ложе.

Вскоре послышались шаги. Летний вечер был душным, и Шихуан Чжэн вошел, словно принеся с собой порыв ветра. Наложница Чжэн в роскошном наряде поспешно поднялась навстречу, а следовавшие за ней слуги и евнухи почтительно склонились:

— Мы приветствуем великого царя.

Самолюбие Шихуан Чжэна, уязвленное ранее, было удовлетворено. Он ничего не ответил, лишь с равнодушным видом прошел вглубь покоев и сел на тахту. Наложница Чжэн приняла у служанки чашу с чаем и протянула ему:

— Прощу, великий царь. Это чай из сердечек бамбука, собранный мною этим летом, он

поможет вам освежиться в зной.

Шихуан Чжэн взял чашу. Наложница Чжэн невзначай провела пальцами по его ладони и стыдливо опустила голову, ожидая реакции... Но Шихуан Чжэн, допив чай, лишь заметил:

— Неплохо. Чай освежает и приятен на вкус.

Наложница Чжэн бросила на него обиженный взгляд, но Шихуан Чжэн не уловил её чувств. Люэр ободряюще подмигнула своей госпоже. Видя, что государь молчит, наложница Чжэн вновь осторожно спросила:

— Великий царь, желаете ли вы сегодня послушать Песню о Фусу?

Если бы Нин Цзиньянь была здесь, она бы непременно с изумлением узнала, что эта женщина — мать принца Фусу. Но в этом мире всё изменилось с её приходом.

Шихуан Чжэн кивнул. Наложница Чжэн обрадовалась, поспешно подошла к инструменту и нежно коснулась струн. Зазвучала мелодичная музыка, подобная журчанию ручья. Она запела своим нежным голосом:

— На горе растёт Фусу, на низине — лотос. Не увидела я Цзы Ду, а увидела лишь безумца...

Песня была древней и плавной, все присутствующие были очарованы, и лишь Шихуан Чжэн впервые подумал, что эта музыка довольно посредственна и скучна. Он вспомнил, как мило Нин Цзиньянь болтала с ним, и уголки его губ невольно поползли вверх. Наложница Чжэн, заметив это, воодушевилась и запела еще звонче.

Шихуан Чжэн бессознательно отбивал ритм, думая о Цзинь. Его настроение постоянно менялось — то радость, то гнев, — и это метание ввергало наложницу Чжэн в смятение.

Закончив песню, она с тревогой спросила:

— Великий царь, вас что-то гложет? Может, расскажете, и я смогу разделить с вами эту ношу?

Шихуан Чжэн не расслышал её слов. Он вспоминал, как хрупка была Нин Цзиньянь, когда получила рану, и как пыталась казаться сильной, а также её смущение, когда они обнимались на кровати. Он начал жалеть, что был с ней так холоден. Ведь она была ранена, видела ужасную сцену убийства... Не испугается ли она, когда проснется одна?

Наложница Чжэн, видя, что государь витает в облаках, подумала, что её игра была плоха, и занервничала:

— Должно быть, вы уже устали от этой песни. Может, мне сыграть что-то другое?

Шихуан Чжэн нахмурился, поднялся и сказал:

— Отдыхай, у меня сегодня дела.

Наложница Чжэн покраснела и набралась смелости, чтобы удержать его:

— Великий царь, может, останетесь сегодня у меня?

Шихуан Чжэн отмахнулся и направился к выходу. Наложница Чжэн, забыв о приличиях, подбежала и ухватила за его рукав, с мольбой в голосе прошептала:

— Великий царь, я жду вас в этом дворце уже четыре года, мне исполнилось семнадцать.

Шихуан Чжэн замер, а затем, словно пытаясь стряхнуть с себя что-то отвратительное, отшвырнул её руку — от резкого движения та упала на пол. Не обращая внимания на её изумление и отчаяние, он развернулся и ушел.

После его ухода наложница Чжэн осталась сидеть в полном оцепенении, бормоча:

— Почему? Почему же так?

В этот момент в покои вбежала служанка, запыхавшись, она с трудом выговорила:

— Госпожа! Ци Цзян мертва!

<http://bllate.org/book/18474/1772301>